

свидетельствуют о благополучии или неблагополучии в обществе и определяют способы и формы разрешения социальных конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

Воркачев С.Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. – Волгоград, 2009.

Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. – М., 1984.

Мишатина Н.Л. Диалог с Истиной

в IX классе // РЯШ. – 2003. – № 6. – С. 3–8.

Мишатина Н.Л. Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход. – СПб., 2009.

Мишатина Н.Л., Цыбулько И.П. Тексты, которые мы выбираем: в поисках идеального проекта методики XXI века // Педагогика. – 2013. – № 9. – С. 21–28.

Степин В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 16–26.

СОВЕРШЕНСТВУЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ

Л.М. КОЛЬЦОВА,
О.А. ШВЕЦОВА

Воронеж

Познавательная ценность историзмов и архаизмов в стихотворениях А.В. Кольцова*

В статье рассматривается устаревшая лексика А.В. Кольцова, даются толкования историзмов и архаизмов.

Ключевые слова: *народно-песенная культура; лексико-семантический анализ; историзм; архаизм.*

В.Г. Белинский, взыскательный и эстетически чуткий критик, писал:

Кольцов... никогда не проговаривается против народности ни в чувстве, ни в выражении. <...> Даже в слабых его песнях никогда не найдете фальшивого русского выражения; но лучшие его песни представляют собою изумительное богатство самых роскошных, самых оригинальных образов в высшей степени «русской» поэзии [Белинский 1982: 114].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Большой словарь историзмов и архаизмов русского языка»), проект № 14-04-00347.

Кольцова Людмила Михайловна, доктор филол. наук, зав. кафедрой русского языка Воронежского государственного университета.

Швецова Ольга Анатольевна, кандидат филол. наук, доцент Воронежского государственного университета. E-mail: vorrusist@yandex.ru

Изучение творчества этого самобытного поэта, чьи стихотворения выдержали испытание временем и навсегда вошли в сокровищницу лучших образцов русской поэзии, в современной школе особенно важно, так как сегодня в языковом пространстве идут серьезные негативные процессы, к которым в первую очередь относится сознательное обесценивание нравственных понятий, заключенных в словах. Поэт возвращает нас к осознанию «сверхценности», без которой народ, по словам великого русского историка Н.Я. Данилевского, превращается в «этнографический материал, неотформатированную массу, социальную глину». Возвращение к народным истокам придает смысл нашему земному существованию и является условием самосохранения нации.

Именно это глубокое философское содержание предлагает осмыслить читате-

лю поэт, выросший на русской песенной культуре, звучной и полной «преданьями родной страны», на традициях русской литературы и в силу своих возможностей приобщившийся к богатству мировой культуры.

Поэзия Кольцова (прежде всего, его песни) уже при жизни поэта получила признание как у представителей интеллигенции (талант А.В. Кольцова высоко оценили В.Г. Белинский, В.А. Жуковский, В.Ф. Одоевский и др.), так и в народной среде. Песни А.В. Кольцова, во многом порожденные этой средой и, соответственно, понятные и близкие ей, легко фольклоризировались. В этой связи интересно следующее высказывание самого А.В. Кольцова:

Я думаю, в той же душе, на том же инструменте, на котором народ выражался широко и сильно, при других обстоятельствах может выражаться слабо и бездушно. Особенно в песне это заметно; в ней, кроме ее собственной души, есть душа народа в его настоящем моменте жизни [Кольцов 1961].

Не случайно поэзия А.В. Кольцова вдохновила многих композиторов (М. Глинка, А. Даргомыжского, А. Рубинштейна, Н. Римского-Корсакова, А. Глазунова, М. Мусоргского, С. Рахманинова и др.) на создание прекрасных музыкальных произведений.

Эпоха, в которую жил и творил А.В. Кольцов, неизбежно удаляется от нас все дальше в прошлое; многие названия реалий первой трети XIX в. стали историзмами и архаизмами. Отчасти из-за этого наследие А.В. Кольцова до сих пор остается «недопрочитанным». В связи с этим развернутое и достоверное филологическое и культурно-историческое комментирование произведений поэта на уроках русского языка и литературы в средней школе является важной задачей.

Одним из условий знакомства с творчеством А.В. Кольцова для сегодняшних школьников, формирования у них представлений о его мироощущении, образе жизни, окружающей поэта обстановке должно стать обращение к устаревшей лексике, используемой в его поэзии. Ее анализ важен не только в культурологическом отношении, но и как средство развития национального самосознания, поскольку в историзмах и архаизмах в концентрированном виде отражаются знания о русской культуре, традициях

и обычаях, характеризующих наш прежний быт, нравы, обычаи и привычки, что имеет большое культурно-историческое значение.

Одним из стихотворений, в котором широко представлены реалии крестьянской жизни XIX в., является, на наш взгляд, «Женитьба Павла» 1836 г.¹:

Павел девушку любил,
Ей подарков надарил:
Два аршина касандрики,
Да платок, да черевички,
Да китаечки конец,
Да золоченый венец;
Она стала щеголиха,
Как богатая купчиха.

Плясать в улицу пойдет
Распотешит весь народ;
Песни ль на голос заводит —
Словно зельями обводит.

Одаль мѳлодцы стоят,
Меж собою говорят:
«Все мы ходим за тобою:
Чьей-то будешь ты женою?»

Говорите. Сам-третей,
Запряг Павел лошадей,
Везть товары подрядился,
Кой-где зиму волочился.

И, разгорившись казной,
К весне едет он домой;
В гости рѳдных созывает,
Свахой тетку наряжает...

Большой выкуп дал отцу;
Клад достался молодцу.
Свадьбу весело играли:
Две недели пировали.

В специальном лингвистическом комментарии нуждается практически каждое слово. Для этого (как, впрочем, и для анализа значений историзмов и архаизмов, употребляемых в других произведениях поэта) можно обратиться к данным следующих словарей: «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, БАСа, «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю.Шведовой, «Словаря русских народных говоров», «Словаря русского языка XI–XVII веков», «Словаря устаревших слов русского языка по произведениям русских писателей XVIII–

¹ Здесь и далее цит. по: Кольцов А.В. Стихотворения. – Воронеж, 1972.

XX вв.» Р.П. Рогожниковой, Т.С. Карской.

В стихотворении обращают на себя внимание *собственно историзмы* (слова, обозначающие вышедшие из современной жизни предметы, явления, профессии) и *семантические историзмы* (вышедшие из употребления значения многозначных слов, называющих исчезнувшие предметы, явления), образующие несколько важных тематических групп.

Во-первых, это слова, называющие единицы измерения:

аршин (татарск.) — погонная мера, четыре четверти (пяди), по четыре вершка (верха пальца); треть сажени; длина всей руки от плеча; вольный шаг человека; $2\frac{1}{3}$ русского или английского фута; русская мера длины, равная 0,711 метра, применявшаяся до введения метрической системы;

конец (спец. в торговле) — отдельный кусок, штука материала (ткани, веревки) определенной длины.

Во-вторых, историзмы, называющие предметы одежды, ткани:

черевички — женские сапожки, обычно остроносые и на каблучках; вообще женские башмаки на Украине и в некоторых южных областях России;

касандрейка (вор., тамб.), или александрейка — красная бумажная полосуха на рубахи; красная бумажная ткань, с пропиткою другого цвета (белую, синюю, желтую), на крестьянские рубахи;

китайка — сорт гладкой, плотной, преимущественно синей хлопчатобумажной ткани, первоначально привозившейся из Китая; потом х/б ткань, производившаяся в России; *венец* (поэт. устар.) — головной убор девиц; девичья головная лента, повязка.

В-третьих, историзмы, указывающие на принадлежность к определенному сословию, социальный статус:

купчиха — 1. жена купца; 2. женщина из купеческого сословия.

В-четвертых, историзмы, называющие действия:

разгориться — разжиться чем-либо.

Только определив значения устаревших слов, читатель может понять, насколько щедр и внимателен к своей возлюбленной молодой крестьянин. У Павла есть возможность одарить свою возлюбленную и одеждой, и обувью, а еще сделать запас на будущее, т.е. «одеть с ног до головы».

В других стихотворениях поэта мы также обнаруживаем историзмы перечисленных выше тематических групп, например:

онуци — в русской крестьянской одежде обмотка для ноги под сапог или лапоть, портянка;

лапти — плетеная обувь из лыка или веревок, охватывающая со всех сторон ступню ноги:

К старикам на сходку
Выйти приневолят, —
Старые *лаптишки*
Без *онуц* обуешь...
(«Вторая песня Лихача Кудрявича»);

кафтан — верхнее, долгополое мужское платье разного покроя: запашное, с косым воротом:

Кафтанишка рваный
На плечи натянешь;
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь...
(Там же);

десятина — старинная русская мера земельной площади, равная 24 000 кв. сажням или 1,09 га:

Ну, тащися сивка,
Пашней, *десятиной*,
Выбелим железо
О сырую землю.
(«Песня пахаря»);

чумаки (южн., новорос., сар., малорос.) — в старое время на Украине крестьянин, занимающийся перевозкой и продажей соли, рыбы, хлеба и других товаров:

Чем *чумаков* прогнать дремоту?
Давно ль утратили охоту
Они петь песни старины?
(«Ночлег чумаков»).

Встречается также и устаревшая лексика, используемая для стилизации, создания картин жизни прошлых эпох, например:

опричник — человек, служивший в опричнине, т.е. в специальных царских войсках времен Ивана Грозного:

В Александровской слободке
Пьют, гуляют молодцы,
Все *опричники* лихие,
Молодые чернецы.
(«В Александровской слободке...»);

воевода — в Древней Руси и в некоторых славянских государствах: начальник войск, а также области, округа; градоначальник, губернатор:

Воеводы, рати храбрые,
Ездят, бьют татар по улицам;
А на башне с русским знаменем
Юный царь стоит — как солнышко!
(«Старая песня»).

Кроме того, в отдельную группу можно выделить семантические историзмы, поскольку неверное их понимание может ввести современного школьника в заблуждение. Примерами подобного рода историзмов являются:

староста — в дореволюционной России выборное или назначаемое лицо для ведения дел какого-н. небольшого коллектива:

Ворочусь в село —
Прямо к *старосте*;
Не разжалобил
Его бедностью —
Так разжалоблю
Золотой казной!..
(«Косарь»);

порода — принадлежность к какому-нибудь роду, сословию:

Вот и выбрал по их разуму,
По обычаю — как водится:
И с роднею, и с *породою*,
Именитую — почетную.
(«Всякому свой талант»).

Нередко в творчестве А.В. Кольцова мы встречаем и архаизмы. Однако следует заметить, что, несмотря на достаточно удаленность эпохи, в которую жил и творил А.В. Кольцов, его произведения по своему духу, строю, словарю воспринимаются как вполне современные. Стихотворения не обременены такими словами и оборотами, которые могли бы затруднить их эстетическое восприятие. В то же время мы находим некоторые архаические элементы, внимание к которым помогает объяснить изменения языковых норм, языковых элементов всех уровней, т.е. создает представление о развитии, движении языка.

В стихотворениях поэта в первую очередь можно выделить *собственно лексические архаизмы*:

чернец — монах:
В Александровской слободке
Пьют, гуляют молодцы,
Все опричники лихие,
Молодые *чернецы*.
(«В Александровской слободке...»);

тать — вор, грабитель:

Отравишь стопу
Пировую всю
И уйдешь опять,
Как ночная *тать*,
Невидимкою...
(«Горе»);

очи — глаза:

И кто так пристально средь ночи
Вперял на деву страстны *очи*...
(«Путник»);

чело — лоб:

К моим врагам на праздник шумный
С *челом* открытым гордо вышел...
(«Примирение»);

ведать — знать:

На селе своем жил молодец,
Ничего не знал, не *ведывал*,
Со друзьями гулял, бражничал,
По всему селу роскошничал.
(«Деревенская беда»).

Среди собственно лексических архаизмов можно выделить устаревшую лексику, называющую лиц по месту жительства:

одноземки — женск. к одноземец; уроженка одной с кем-л. страны:

Красавицы-девушки,
Одноземки-душеньки,
Вам хочу я, милые,
На досуге кое-как
Исповедать таинство,
Таинство чудесное.
(«Повесть моей любви»).

Переход этого слова в разряд устаревшей лексики разрушил, на наш взгляд, соотношение, противопоставленность двух однокоренных слов *одноземец* и *чужеземец*. Слово *одноземец* подчеркивает значение общности одной земли, обычаев, привычек, которые человек впитывает, принадлежит этой земле. В слове *земляк*, современном синониме к слову *одноземец*, данное значение оказывается стертым. Именно этот факт заставляет нас вновь обратиться к утраченному, но не потерявшим своей ценности словам:

степняк — степной житель, живущий в степной глуши, одиноко, займищик, хуторянин:

От дождя в шалашике
Находил убежище,
Дикарем, *степникою*
Я в Воронеж ездывал...
(Там же).

Особое поэтическое звучание придают стихотворениям А.В. Кольцова *лексикофонетические архаизмы*. Причем встречаются как архаизмы старославянского, книжного происхождения, так и просторечные формы:

ветр – ветер:

Пощады нет! Душевную молитву
Разносит *ветр* во тьме пустынной...
(«Вопль страдания»);

огнь – огонь:

И сердца жизнь живая,
И чувства *огнь* святой,
И дева молодая
Блещет красотой!
(«Из Горация»);

злато – золото:

Я был у ней; на прелесть *злата*
Клялась меня не променять...
(«Я был у ней»).

Лексико-словообразовательные архаизмы, отличающиеся от современных слов суффиксами или приставками, свидетельствуют о многообразии средств, позволяющих варьировать морфемный состав слова, передавать тончайшие оттенки значения, что может и должно быть предметом размышления о соотношении формы и содержания языковых единиц:

вспламенить – воспламенить, загореться (перен. о чувствах):

Смазливеньким личиком,
Умилными глазками,
Осанкою, поступью,
Речью лебединою
Вспламенила молодца.
(«Повесть моей любви»);

провидеть – предвидеть:

В моем толке
Смыслу нету,
Чтоб *провидеть*
Дела Божьи...
(«Вопрос»).

И наконец, *синтаксические архаизмы* – устаревшие конструкции словосочетаний и предложений:

плясать в улицу пойдет – пойдет плясать на улицу;

песни ль на голос заводит – поет громко песни;

все мы ходим за тобою – мы все ухаживаем за тобою.

Когда современный школьник знакомится с подобным лингвокультурологическим комментарием, то перед ним словно оживает картина деревенского уклада того времени, патриархального быта, связанного с постоянными тяготами и заботами, с семейно-личными отношениями. Ученики начинают осознавать, что историзмы и архаизмы являются не только данью литературной традиции того времени, но и характеризуют русский крестьянский быт, передают ощущение полноты и радости жизни.

Обращение к словарному составу поэзии А.В. Кольцова, в частности к устаревшей лексике, несомненно, поможет приблизиться к пониманию современными школьниками значения творчества поэта. Ведь поэзия А.В. Кольцова сохраняет в русском человеке «дух вечной жизни», «память минувших дней».

ЛИТЕРАТУРА

Д а л ь В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1958. – Т. I–IV.

К о л ь ц о в А.В. Сочинения: В 2 т. – М., 1961. – Т. 2.

К о л ь ц о в А.В. Стихотворения. – Воронеж, 1972.

О ж е г о в С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 1993.

Словарь русских народных говоров. – М.; Л.; СПб., 1965–2006. – Т. 1–40.

Словарь русского языка XI–XVII веков. – М., 1976. – Вып. 3.

Словарь современного русского литературного языка. – М.; Л., 1948–1965. – Т. 1–17.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1940. – Т. 1–4.

Р о г о ж н и к о в а Р.П., К а р с к а я Т.С. Словарь устаревших слов русского языка по произведениям русских писателей XVIII–XX вв. – М., 2010.